

Бачинин А.Н.,
Пермь

А.-Л. ШЛЁЦЕР И М.П. ПОГОДИН

Исчерпан ли Шлёцер, как сюжет отечественной историографии? Вопрос кажется риторическим, но его приходится задавать всякий раз, когда речь идет об усвоении комплекса шлецеровских интеллектуальных инвестиций на русской почве, насколько они выразили себя в практике, стиле и стратегии русского исторического письма.

Еще в конце прошлого века П.Н. Милюков, разрушив старую схему борьбы «положительного» и «отрицательного» (или «скептического») направлений, мастерски обосновал принципиальное положение: школы Карамзина в русской историографии не существовало; существовала только школа Шлёцера, внутри которой и образовались указанные направления. Оно не всем пришлось по вкусу, однако дальше общих деклараций, поверхностных суждений и малоубедительных реплик дело не пошло. Традиция «шлецероведения», наподобие философской и филологической компаративистики, в нашей историографии так и не сложилась (во всяком случае, в адекватных им формах).

Ключевой фигурой среди русских «шлёцериан» следует считать М. П. Погодина, автора блистательных для своего времени трудов («О происхождении Руси», 1825 и «Нестор», 1839). «...Очень, очень дельный и честный молодой человек, истинный немец по чистой любви своей к науке, трудолюбию и умеренности», – рекомендовал его Пушкин, заметим, всегда обращавшийся к этому «молодому человеку» по имени-отчеству, хотя тот был моложе поэта на год. Это «истинный немец» при панславистских убеждениях Михаила Петровича, отчаянным поборником которых он сделался с молодых лет, выглядит несколько странно. Но факт остается фактом: ведь даже почвеннические идеи («простодушный, наивный шовинизм»), развиваемые им в 30-е годы, не помешали ему создать «Нестора».

Судя по студенческим воспоминаниям Погодина, чтение шлёцеровского «Нестора» оказало на него потрясающее, неизгладимое впечатление, которому он оставался верен до конца жизни: «Он овладел моим умом, и я погрузился в его исследования, которые сделались для меня занимательнее всех романов... Я изучал шлёцеровы сочинения с наслаждением, напитывался духом его критики, и всякая буква,

всякий знак препинания в источнике был предметом моего напряженного внимания». Именно «под наитием» Шлёцера Погодин вступает в большую науку, начинает публиковаться, защищает в московском университете диссертацию и становится первым (из русских) магистром русской истории. Позднее он откровенно признает: «Всем, что я есть в критическом смысле, я обязан Шлёцеру».

Разбирая пункт за пунктом аргументы скептической школы, «детский лепет», по его выражению, Погодин временами впадал в состояние аффекта: «О Шлёцер, Шлёцер! Что сказал бы ты, если бы увидел, какие плевела растут на ниве, возделанной твоими руками. Нет! ты не стал бы говорить!..».

После ухода из университета излюбленной (и неосуществленной) мечтой Погодина становится создание своего рода «мастер-класса» исторических, точнее, источниковедческих, штудий для молодых любителей истории. «Если б исполнилось мое желание, – писал он, – я привел бы их к портрету Шлёцера, который висит над моим рабочим столом..., заставил бы их поклониться и дал бы им в руки его «Нестора», чтоб они изучили его и напитались его духом. Нужды нет, что из его «Нестора» вошло всё в общий оборот, исправлено и даже опровергнуто, но дух его веет из его книги, и только пропитавшись его духом, можно работать успешно... Студент, который на первых порах не восхитился Шлёцером, тот не займется русской историей...».

Выдержав на своей жизни десятка полтора полемик, Погодин ни в одной из них не выступал слепым последователем своего «учителя и благодетеля»: «В царстве истины нет авторитетов», – любил повторять он шлёцеровский афоризм. Наблюдения самого Шлёцера «теперь уже ничего не значат, – возражал Михаил Петрович одному из критиков, – на три тома его исследований можно надиктовать пять в пять недель: все это не уменьшит его чести и славы. Его методы, его приемы, его уроки, его впечатления, его огонь – о, их достанет еще на много поколений, имеющих уши слышать и разум разумети». А за ошибки – кто не ошибался! – «прости его господи!..»

Погодина чрезвычайно раздражали тенденциозные выкладки славнофильствующих авторов, представлявших Шлёцера, а вместе с ним и всех остальных «немцев»-историков бездарными и злобными ненавистниками России. «Я сам не пристрастен к немцам, но Шлёцер, Миллер, Стрштер – это благодетели русской истории, и забывать их

услуги или отзываться об них как об людях обыкновенных, своекорыстных – есть просто неблагородно... Шлёцер бранился с немцами точно так же, как и с русскими в Петербурге, как и в Геттингене, в настоящем он не мог нигде ужиться...» Вообще трудно отделаться от мысли, что Погодин испытывал потаённую зависть к своему кумиру. В некоторых привычках (сварливость, скупость и пр.) и эпизодах биографии нашего историка как будто проступают следы инфантильной имитации шлёцеровского характера.

К концу ученого поприща Погодин раз за разом возвращается к теме наследия Шлёцера. Сегодня это звучит грубовато-хрестоматийно, но отчасти и трогательно: «Шлёцер показал достоинство наших летописей, сравнил с иностранными, представил их древность и правдивость, научил их сравнивать, доказал важность вариантов и необходимость изданий, дал примеры доказательств, представил образцы изданий, ученых рассуждений, возбудил охоту разыскивать, привел в движение дух – вот его заслуги...».

Незадолго до смерти (1875) Погодин продолжает твердить о «двух ангелах-хранителях русской истории»: первым он называет Шлёцера, вторым – Карамзина...

Бугров Д.В.,
Екатеринбург

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ГЕРМАНИИ В ОТРАЖЕНИИ РУССКОГО УТОПИЧЕСКОГО ТРАДИЦИОНАЛИЗМА РУБЕЖА XIX-XX ВВ.

Непростая история взаимоотношений русского и германского народов, прошедшая в XX столетии через горнило двух опустошительных мировых войн, накануне нового тысячелетия служит предметом изучения многих представителей гуманитарных наук обеих стран. Особое место в ряду проблем, характеризующих динамику процесса межкультурного общения и взаимодействия, занимает вопрос о восприятии друг друга великими соседями по большому европейскому «дому», о стереотипах и фобиях, которые в течение длительного времени служили (и отчасти продолжают служить) неким препятствием на пути к обоюдовыгодному диалогу¹. Примечательно, что к